

ИРИНА ДЕГТЯРЁВА

ЛОКАЦИЯ «БЕРЕГ»

Следователь Олег Ермилов

Ирина Дегтярева
Локация «Берег»

«СОЮЗ»

2022

Дегтярева И. В.

Локация «Берег» / И. В. Дегтярева — «СОЮЗ»,
2022 — (Следователь Олег Ермилов)

ISBN 978-5-60-467126-9

Георгий Топильский – атташе посольства России в Великобритании получает анонимное письмо, в котором сообщается, что его автор обладает информацией о месте хранения секретных материалов, переданных ему советским разведчиком Германом Кройсом. Материалы эти касаются проекта «Берег», осуществленного в ЮАР в начале 90-х годов прошлого столетия. Экспертиза почерка показала, что письмо писал немолодой мужчина, с большой долей вероятности, носитель арабского языка. Отпечатков пальцев на бумаге обнаружено не было. Полученная информация была безусловно важна и интересна, но существовала одна небольшая нестыковка. Вплоть до 1991 года в ЮАР существовал режим апартеида и никаких дипломатических контактов в то время у СССР и Южно-Африканской республики не было. Как туда мог попасть советский разведчик и более того передавать оттуда какую бы то ни было секретную информацию? Что за странная операция «Берег»? Не тот ли это проект, в котором так называемый доктор-убийца Бассон возглавлял секретную лабораторию по разработке химического и бактериологического оружия, для борьбы с врагами режима? Похоже, что найти ответы на все эти вопросы возможно лишь при личном знакомстве с автором письма. Поэтому старшему инспектору английского отдела контрразведки ФСБ Олегу Константиновичу Ермилову не остается ничего другого, как отправиться в очередную зарубежную командировку, на сей раз в столицу Великобритании – Лондон.

ISBN 978-5-60-467126-9

© Дегтярева И. В., 2022

© СОЮЗ, 2022

Содержание

Пролог	7
Глава первая	11
Глава вторая	17
Глава третья	20
Глава четвертая	25
Глава пятая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ирина Дегтярёва

Локация «Берег»

*«Есть у нас паутинка шотландского старого
плёда, —
Ты меня им укроешь, как флагом военным, когда я
умру.
Выпьем, дружок, за наше ячменное горе, —
Выпьем до дна!»*

О. Мандельштам

© Дегтярёва И.В.
© ИП Воробьёв В.А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

Пролог

2001 год

Жора Топильский многое бы сейчас отдал, чтобы его увидели бывшие сокурсники по МГИМО, ведь он едет по Лондону за рулем ситроена, рядом сидит и улыбается молодая жена Сашка в шелковом лиловом платице, ее пушистые русые волосы треплет ветерок, проникающий через приоткрытый люк в потолке машины. И не столь важно, что ситроен здорово потрепан долгой автожизнью (да и тот Жора получил потому, что папа работает в МИДе), не существенно, что должность Топильского в посольстве самая младшая – атташе. Главное – он в Соединенном Королевстве, он – обладатель заветного дипломатического паспорта, и началась настоящая взрослая и независимая жизнь...

Новоиспеченному атташе мерещилась карьера, как у графа Александра Бенкендорфа, который четырнадцать лет возглавлял российскую миссию в Лондоне в начале XX века. Георгий воображал себя во фраке на приеме у королевы или на худой конец у премьер-министра Великобритании, но каждый раз со снисходительной улыбкой отмахивался от вожделенных мечтаний, понимая, что всему свое время и успех, и слава неизбежно накроют его с головой рано или поздно.

Топильский не догадывался – слава уже на пороге, но совсем другого рода. Он не подозревал, что в ближайшие дни попадет в сводки СВР и ФСБ одновременно...

А пока они с женой наслаждались своим новым статусом, исследовали Лондон, с юношеским пылом бегали на экскурсии по субботам, катались на прогулочном катере по Темзе, а по воскресеньям традиционно ездили в большой торговый комплекс. Покупали продукты и сидели в кафе, болтая обо всем сразу и ни о чем, держались за ручки. Иногда Георгий тратился на букетик для Сашки, который покупал в небольшом магазинчике «Petals on Portland¹», расположенном во дворе торгового центра.

Если бы Топильские не были так поглощены друг другом, они бы, наверное, заметили худощавого сутулого мужчину с седыми, длинноватыми и неопрятными волосами, со смуглым лицом не европейца, в темно-синей ветровке, потертой на локтях и в старых блеклых джинсах. Он оказывался в этом торговом комплексе уже не первый раз в то же самое время, что и семья молодого дипломата. Садился за соседний столик в кафе, наблюдал за ними из-за мятой «The Daily Mirror»; прячась за машинами на подземной парковке, провожал взглядом их уезжающий «ситроен» с дипломатическими номерами.

Он не походил на грабителя, присматривающего очередную жертву, и уж тем более на представителя наружного наблюдения MI5². Может, докер, может, моряк... Мужчина выглядел довольно заурядно. И все бы ничего, но такой человек органичнее смотрелся бы в портовом пабе с пинтой пива, чем в современном торговом комплексе, с блестящими белыми полами из искусственного мрамора, с толпой представителей лондонского среднего класса. Сюда приезжали с семьями делать покупки на неделю и заодно отдохнуть, развлечься, побыть с детьми. А вот такие одиночки, как он, не снующие со списком покупок по супермаркету на первом этаже или по бутикам, располагающимся на втором и третьем, вызывали недоумение и повышенный интерес службы безопасности торгового комплекса.

Это странное наблюдение за Топильскими продолжалось на протяжении двух недель. За ними не следили в городе, только в торговом комплексе и только этот сутулый седой человек, похожий на старого морского волка.

¹ Petals on Portland (англ.) – Лепестки на Портленд.

² MI5 – Military Intelligence, Security Service – Служба безопасности, государственное ведомство британской контрразведки.

Наступившее очередное воскресенье принесло солнечную погоду и предвкушение уже привычной поездки и приятные семейные хлопоты. Сашка приглядела в торговом центре симпатичные шторы в спальню и канючила уже целую неделю, уговаривая их купить. Георгий жался, памятуя о весьма скромной зарплате атташе, но победил хозяйственный инстинкт жены, которая стремилась свить не только удобное, но и красивое гнездышко. Она так расписывала преимущества английской ткани с рисунком из классических розочек, что Топильский глобоко осознал – такой узор на шторах действительно крайне необходим для их маленькой служебной квартиры.

Наконец, добравшись до торгового комплекса и сделав покупки, они спустились в подземный гараж. Сашка сияла, прижимая к груди бумажный сверток с желанными шторами. Георгий нес пакеты с продуктами, прикидывая, под каким благовидным предлогом попросить денег у отца, чтобы дотянуть до зарплаты. Отец работал в Москве в МИДе, и не отличался сентиментальностью – разжалобить его не всегда удавалось.

Пока Жора сгружал пакеты в багажник ситроена, Саша решила уложить сверток на заднее сиденье.

– Ой, Жорка, что это? – окликнула она мужа.

– Ну чего там? – недовольно отозвался он, стукнувшись головой о дверцу багажника.

– Тут какой-то конверт. Наверное, в люк бросили. Ты его не закрыл, растяпа! Наверное, реклама...

– Не трогай! – буквально налетел на нее Георгий. Его обычно невозмутимая, чуть надменная смазливая физиономия (над этим выражением лица он долго работал перед зеркалом еще в институте, готовясь всесторонне к дипломатической карьере) выглядела сейчас испуганной, словно он увидел в руках жены змею. – Положи на место.

– Что это? – требовательно спросила Саша, но письмо бросила на сиденье. – Может, от любовницы?

– Не пори чепухи! Подбросили! Наверное, провокация. Надо срочно позвонить в посольство.

Саша отбежала на несколько метров от машины, прижимая к груди, как щит, сверток со шторами. Георгий дрожащими руками набрал на мобильном номер телефона дежурного и сообщил о подброшенном в машину конверте. Его соединили с офицером безопасности посольства – Максимом Тепловым и тот недовольным голосом попросил атташе приехать в посольство.

Теплов, невысокий, с короткими светлыми волосами, смешливый, отчего на его лице морщин скопилось больше, чем могло бы быть по возрасту, но с серьезными недоверчивыми карими глазами, наивно считал воскресенье своим законным выходным. О новоприбывшем молодом дипломате Топильском офицер безопасности был невысокого мнения. Знал, что Георгий – мальчик-мажор, и папа ему «сделает» карьеру. Таких сынков Макс не выносил. Застрав в пробке по дороге в посольство, он тихо ругался на безалаберных юнцов, которых берут в дипломаты и которые вместо того, чтобы без паники привезти письмо в посольство, начинают трезвонить куда попало, не понимая, что телефоны тут слушают, особенно телефон офицера безопасности.

Действительно, разговор был перехвачен SAS ШКПС³, но об этом Теплов узнал гораздо позже...

С другого конца Лондона Максим добирался очень долго, больше полутора часов. Зашел в вестибюль мрачный, взмыленный. Прошел сразу к дежурному и забрал письмо, покосившись на уборщицу, вившуюся около открытой двери рядом с помещением дежурного.

³ SAS ШКПС – Штаб-квартира правительственной связи, занимается технической разведкой, в том числе радиоперехватом.

Теплова дожидался атташе Топильский. Довольно быстро Максиму стало ясно, что Георгий понятия не имеет, кто подкинул письмо. Никого рядом с машиной не видел. Ничего подозрительного не заметил, да и вряд ли смог бы, если работали спецы. Кроме того, Топильский здорово напуган случившимся.

«Бойтся провокации, значит, держится за работу, – с удивлением отметил про себя Теплов. – Не рассчитывает на поддержку папаши?»

– А что если посмотреть записи с камер видеонаблюдения? – решил проявить находчивость Георгий.

– Кто ж нам их даст? – вздохнул Теплов.

Максим уединился в своем кабинете. Склонившись над конвертом, прочел надпись, сделанную корявым почерком: «To the Russian Embassy⁴». Обнаружил на конверте тусклый, но читаемый штамп принадлежности отелю St. Simeon (38 Harrington Gardens, South Kensington). Теплов смутно помнил, что это где-то километрах в четырех от центра города, неподалеку от Кенсингтонского парка. Взяв письмо, Макс прикинул его вес. Но конверт выглядел и весил так как и должен.

Со всеми предосторожностями Теплов вскрыл конверт и обнаружил в нем небольшую записку странного содержания. Вообще, письма в посольства разных государств подбрасывались – это не было чем-то неординарным. Через руки Теплова подобные послания проходили уже неоднократно, но нынешнее озадачило офицера безопасности.

Он сидел за столом в своем кабинете и перечитывал текст раз за разом, собрав лесенкой морщины на лбу.

«Ну и что с этим делать? – подумал Максим. – Если только доложить о письме, то придется разбираться самому. Инициатива, как известно, наказуема. Лучше приложить его к докладной записке, пускай в Центре мозгуют, анализируют... Тогда все равно, скорее всего, заставят заниматься, но я успею отпуск отгулять».

Мечтательно взглянув на календарь, он вздохнул.

У Теплова хватало проблем и без этих подметных писем – за ним так плотно ходили и ездили местные контрразведчики, что по указанию Центра он старался совершать как можно меньше телодвижений, чтобы умерить пыл местных ребят и усыпить их бдительность. Но пока они с завидным упорством преследовали его по пятам.

Мысль о том, что письмо подброшено сотрудниками М15, не покидала Максима. Но зачем? Хотели чтобы он задержался? Спровоцировать и подставить? Может, поэтому такое плотное наблюдение? Жаждают крови? Тогда тем более лучше оставить письмо на усмотрение Центра.

И все-таки, учитывая содержание письма, Теплов решил предпринять некоторые шаги для очистки совести, разумеется предварительно позвонив в Центр по закрытой связи и получив разрешение действовать по своему усмотрению.

На следующий день Максим вышел на встречу с автором анонимного послания... В письме были оговорены дата, время, место и условия встречи.

Дворик за Биг Беном кишел туристами, но к Теплову никто не подошел. Ни в 14.15, ни в половине третьего, ни в три часа. Он прохаживался под деревом, спрятавшись от солнца. Башня тоже давала большую тень, доходившую до улицы Парламента. Но Максим должен был стоять около этого дерева, как было сказано в письме, ожидая человека в шарфе цветов ирландского флага.

Теплов матерился себе под нос. Утром ему пришлось прокатиться в багажнике одной из дипломатических машин, чтобы уйти от слежки и по всему выходило – напрасно.

– Ну что же, – пробормотал он. – Так тому и быть.

⁴ To the Russian Embassy (англ.) – В российское посольство.

Уже вечером Теплов отправил анонимное письмо дипломатической почтой в Москву, приложив сопроводительную докладную записку.

В Москве в СВР записка офицера безопасности и подброшенное посольскому работнику письмо легли на стол начальника отдела Управления внешней контрразведки полковника Мальцева. Слишком долго оценивать перспективность разработки по этому материалу полковник не стал и передал письмо и хлопоты, связанные с ним, в английский отдел ФСБ, что не слишком обрадовало Сергея Романовича Сорокина, возглавляющего этот отдел контрразведки.

Глава первая

Старший инспектор английского отдела контрразведки ФСБ Олег Константинович Ермилов поливал кактус в своем кабинете. Делал он это сосредоточенно и с грустным выражением лица. Его ожидания в связи с переводом в ФСБ из Генпрокуратуры пока не слишком оправдывались.

Он ощущал себя студентом-практикантом, а не следователем по особо важным делам, хоть и бывшим. Не мальчишка же он, в конце концов, чтобы новый шеф Сорокин (с которым они кстати в одном звании) поручал ему заниматься бесконечной писаниной отчетов, аналитических обзоров, работой далекой от оперативной деятельности, о которой Ермилов давно мечтал.

Олег уже подумывал, не ошибочным ли был его романтический порыв перевестись в ФСБ. Все надо делать своевременно. Если бы сразу, окончив школу КГБ, пришел работать в Контору – это одно. Может, сейчас занимал бы должность самого Сорокина. А теперь, когда уже возраст под сорок, начинать с должности старшего инспектора...

Однако Ермилов отличался настойчивостью и даже уважал себя за это качество, хотя частенько оно становилось поперек горла, но и тогда он не отступал.

«Терпение и труд все перетрут», – убеждал он себя, поглядывая на четки, висевшие на гвоздике рядом с письменным столом. Их он привез в прошлом году из командировки на Кипр. Именно после той памятной поездки Олег начал раскручивать дело, которое оказалось не столько экономическим, как предполагалось, сколько шпионским. Главный фигурант по делу – Дедов покончил с собой, и Ермилов не смог довести начатое до конца, зато в ходе расследования познакомился с полковником ФСБ Сорокиным. И вот Олег здесь – сидит в своем маленьком кабинете на Лубянке и поливает кактус, который перекочевал в Контору вместе с хозяином из Генеральной прокуратуры.

Раздался звонок по внутреннему телефону.

– Олег, зайти ко мне, – прозвучал в трубке озадаченный голос шефа.

Ермилов застал Сорокина сидящим за письменным столом. Сергей Романович, сдвинув очки на кончик носа, вчитывался в содержание странного листка в клеточку. Он поглаживал свою седую аккуратную бородку и шевелил черными бровями.

Олег от такого выражения лица шефа почувствовал себя неуверенно и возникшее было желание высказать Сорокину свои претензии по поводу нерационального использования способностей нового подчиненного растворилось в пространстве довольно большого и чуть унылого кабинета. Сорокин не захламлял рабочее место ничем лишним. Человек он собранный, организованный – не случайно занимает такой пост, возглавляет английский отдел.

– Присаживайся, Олег Константинович, – Сорокин кивнул на стул около стола для совещаний, длинного и блестящего, на котором стоял пустой, чуть пыльный, стакан. – Зная твою настойчивость и аналитические способности, решил поручить тебе вот это. Ознакомься. – Он подтолкнул по полированной поверхности столешницы тот самый листок в клетку, который перед этим изучал со скептическим выражением лица. – Ты ведь знаешь английский.

Ермилов кивнул. В детстве он окончил спецшколу с углубленным изучением английского языка.

«Дорогие друзья! Я обладаю информацией о том, где хранятся секретные материалы по проекту «Берег», осуществленному в ЮАР. Они были переданы мне вашим парнем (your guy) Германом Кройсом в 1992 году. Кройс предупредил меня, что обладатель этой информации подвергается смертельной опасности, поэтому я долго не мог решиться. Не знаю, могу ли кому-то из вас доверять, однако я обещал Кройсу. Напротив Площади парламента

(Parliament Square) в дворике за Биг Беном завтра в 14.15. Под большим деревом справа от центральных ворот. На мне будет шарф цветов ирландского флага. Если увижу за вами слежку – встреча не состоится».

Олег поднял светло-серые глаза на Сорокина с недоумением:

– Откуда это? Какое отношение ЮАР имеет к нашему отделу?

– Правильный вопрос, – кивнул Сергей Романович. – Письмо нам передали из СВР. А к ним в свою очередь оно попало из посольства России в Великобритании.

– Подбросили?

– Точно так. Атташе посольства Георгию Топильскому закинули в машину через приоткрытый люк в крыше, пока атташе совершал покупки в торговом центре.

Сорокин придвинул по столу к Олегу папку.

– Тут вся необходимая сопроводительная информация. Письмецо обработали наши эксперты, а до этого эсвээрщики. Здесь заключения экспертиз... Я бы подумал, что сейчас внеплановое обострение, – Сергей Романович улыбнулся и покрутил пальцем у виска. – Хотя это обычно весной и осенью... – И тут же посерьезнел. – Если бы не экспертиза. Анализ почерка показал, что писал немолодой мужчина, с образованием. С большой долей вероятности, носитель арабского языка. Нет признаков психического расстройства. Конверт взял в отеле «Сант Симеон», не факт, что там жил, мог зайти и просто взять конверт. Нет пока возможности проверить отель – тамошний эсвээрщик ушел в отпуск. Не отработал. Отпечатков пальцев на самом письме нет. Да, и вот еще что – бумага привезена из Африки, из района Туниса.

Ермилов удивленно взглянул на шефа.

– Обнаружили на бумаге, на оборотной стороне... – Сорокин заглянул в блокнот на столе и прочел с трудом: – Pholetesor moszari. Так называемый паразитический наездник. Как объяснил эксперт – это микроскопическое насекомое, которое садится на других насекомых и паразитирует на них. Откладывает яйца и в итоге насекомое, к которому подселелись, погибает. Короче, это эндемик, водится только в Северной Африке, а конкретнее в Тунисе. Вот такая география вырисовывается – ЮАР, Великобритания, Тунис.

Олег озадаченно помолчал и уточнил:

– А что по поводу встречи около Биг Бена?

– Там есть информация, – кивнул на папку Сорокин. – Офицер безопасности пошел на эту встречу, но автор письма не явился. Испугался.

– А может, и не собирался идти на контакт? – предположил Ермилов, улыбнувшись. На щеке у него обозначилась ямочка, что делало его лицо моложе.

– Не думаю, – Сергей Романович снова пригладил бороду. – Решиться подбросить письмо не так просто, тем более в Лондоне, где наши дипломаты под пристальным контролем. Испугался – факт. Придется нам разбираться.

– И что мне с этим делать? Ехать в Англию? В Тунис?

– Разбежался! – засмеялся Сорокин. – Пока что проанализируй текст, запроси архив. Нужна информация по ЮАР и по этому загадочному проекту «Берег». «Your guy» – ты обратил внимание на эту формулировку в письме? Ты же понимаешь, он имел в виду не национальность Кройса, а то, что он наш разведчик. Южно-Африканская Республика начала отказ от режима апартеида, начиная с 1991 года. До этого времени туда крайне сложно попасть и вести там разведдеятельность, – он пожал плечами. – Но провести проверку мы обязаны. Разберись и доложишь о результатах.

Олег вышел из кабинета шефа со стойким ощущением, что его загрузили бесперспективным делом. Лишь бы сотрудник не бездельничал.

Но обиду пересилили профессиональный азарт и здоровое честолюбие.

Ермилов знал, что ЮАР – это Африка, но этим по большому счету и ограничивались его знания об этой стране. Всплывали в памяти какие-то обрывочные сведения об антикоммунистическом режиме, который там существовал и о Нельсоне Манделе – борце за равноправие, пострадавшем от этого режима. Вспомнил, что только недавно восстановлены дипломатические отношения с Россией. Президентом был Нельсон Мандела, теперь кто-то другой...

Олег запросил в архиве все дела, в которых так или иначе упоминалась ЮАР, Герман Кройс и проект «Берег». Теперь необходимо было ждать, пока подберут все эти документы. Он небезосновательно надеялся, что для него материалы найдут побыстрее, учитывая знакомство с Николайчуком Леонидом Степановичем – заместителем начальника подразделения архива.

Месяц назад Ермилов начал общаться с ним волей не случая, но волей Сорокина. Сергей Романович попросил помочь. Племянник архивиста попал в аварию и требовалась юридическая консультация. Олег не только проконсультировал, но и помог, используя свои связи в ГИБДД, которое по привычке называл ГАИ. Даже съездил в управление с племянником, которому грозила потеря прав. Николайчук оказался человеком благодарным и обещал ускорить насколько это возможно поиски документов в архиве.

Ермилов в обеденный перерыв предпринял еще один «ход конем»... Он буквально на днях встретил своего бывшего однокашника по юридическому институту в одном из коридоров ФСБ. Николай Чиграков уже много лет служил тут следователем. В здании на Лубянке он бывал не часто, поскольку следователи ФСБ располагаются в Лефортово. Николай недоумевал, почему Олег захотел вместо продолжения успешной карьеры следователя стать оперативником. Но главное, он между делом вдруг вспомнил их институтского декана Евгения Анатольевича Рукавишникова.

– Ты же у него в любимчиках ходил, – сказал долговязый Чиграков с иронией в голосе. Он зашелся кашлем заядлого курильщика. – Так вот я слыхал, что он сейчас в МГИМО работает. Твои пацаны куда собираются поступать?

– Да им только по тринадцать исполнится. Школу бы закончили. Обалдуи те еще, особенно Петька.

Теперь, вспомнив этот разговор с Чиграковым, Олег покопался в записной книжке, сделал несколько звонков однокашникам, узнал телефонный номер Рукавишникова и, купив бутылку коньяка, отправился в МГИМО.

Евгений Анатольевич принял его в ректорате с широкой улыбкой и объятьями. Он макушкой едва доставал Ермилову до плеча, старенький, с пушком на голове, оставшимся от когда-то густой каштановой шевелюры. Рукавишников напоминал гнома из сказки, такой же добродушный и странноватый. Приняв благодушно презент, он, не мешкая, добыл для бывшего любимого ученика несколько брошюр из секции библиотеки, обозначенной «Для служебного пользования», особенно после того, как Олег сказал, где теперь работает.

Вернувшись на работу, Ермилов занимался текущими делами и вышел из здания ФСБ довольно поздно. С удовольствием снял пиджак и закинул его на плечо, продев указательный палец в петельку на вороте. Раскаленный за солнечный день город словно старый кот вытянул лапы и нежился в лучах заходящего солнца. Тени от домов стали длинными, освещение теплым и рассеянным, к метро тянулись служащие с портфелями, а кто-то наоборот, приехал гулять в вечерний центр, в основном молодежь – катались на велосипедах и скейтах. Поглядев на это, Ермилов вспомнил, что сыновья – Петька и Васька двенадцатилетние двойняшки, с весны выпрашивали скейтборды. Подумав, что дорожке встанет лечить переломы и ссадины, Олег отверг свой гуманистический порыв приобрести им доски.

Он приехал на Киевский вокзал, купив по дороге плоскую продолговатую корзинку с малиной и, устроившись у окна в электричке, стал глядеть в окно, где темнело с каждой минутой. Колеса постукивали на стыках, будто наматывая на железные колеса остатки дневного света.

Зажглись фонари на станциях... За электричкой параллельно тянулась прерывистая лента квадратов света от окошек поезда, напоминавшая киношную пленку. Электричка проехала Переделкино, Мичуринец, Внуково, Лесной городок...

Люська с детьми отдыхала на даче. Она неделю как ушла в отпуск, прекратив на время свою бурную деятельность в адвокатской конторе. Олег предвкушал ужин в семейном кругу, но с тоской подумал, что Люська сейчас опять будет страдать по поводу того, что он-бездельник никак не покрасит их старый облезлый «финский» домик. Дача сгниет и рухнет на головы детей и на нее – несчастную женщину, связавшую свою жизнь с этим безруким человеком.

Этот «безрукий человек» рассчитывал смягчить ежевечерний гнев Люськи корзинкой с малиной. Сойдя с электрички и сосредоточенно преодолев выщербленную бетонную платформу, на которой легко было сломать ногу, Ермилов перешел рельсы, осозная знакомые запахи – железной дороги, раскаленной за день на солнце, гудрона, угольного дыма и жареной картошки от ближайших к станции дачных домиков. Отсюда виднелась и серая шиферная крыша ермиловского дома. В окнах не горел свет, что удивило Олега. Но в проезде около своего участка он наткнулся на Люську и мальчишек, которые вышли его встречать.

Людмила куталась в шаль. Уже легла роса, и тут, в стороне от все еще не остывшей железнодорожной станции, вечерняя свежесть бодрила. Петька то и дело хлопал себя по ногам, отбиваясь от подмосковных алчных комаров. Васька осмотрительно надел длинные штаны.

– А я малинку купил, – заискивающе сообщил Олег, протягивая жене корзинку.

– Сколько тебя можно ждать, Ермилов? – проворчала Люся, снисходительно принимая подношение. – Может, и ночевать там будешь со своим Сорокиным?

Петька фыркнул и распахнул калитку перед родителями.

– Я уж лучше с тобой, – шепнул Олег. – У Сорокина борода колючая.

– Балда! – засмеялась Люська.

На маленькой террасе пахло поджаркой, грибы собирали прямо на своем участке, где росли и белые, и подберезовики, особенно в конце участка, где разрослись березы и осины. Петька опять завел свою шарманку по поводу покупки скейтборда, но Ермилов слушал его слезные воззвания вполуха, мысли его крутились вокруг письма.

Заметив отсутствующий вид мужа, Люся отправила мальчишек спать и сама, вооружившись дамским романом, удалилась в спальню. Ермилов вдруг обнаружил себя в одиночестве, но в окружении грязной посуды, которую Людмила оставила на его попечение.

– Люська, зараза! – тихо сказал он.

– Я все слышу! – подала она голос из-за тонкой перегородки.

Нехотя справившись с посудой, Олег забрался по крутой скрипучей лестнице в мансарду. Тут он давно оборудовал себе что-то вроде кабинета – затащил сюда старый дедовский диван с откидными валиками, с истертой до железных пружин обивкой. А летом привозил проигрыватель для своих любимых виниловых пластинок. Особенно ценной считал одну – с песнями Высоцкого и перевозил ее, держа, как хрустальную вазу, в руках. Правда, за все лето он успевал включить проигрыватель пару раз, но упорно, под смешки домашних, таскал его с собой.

Тут же, под крошечным окошком, стоял самодельный занозистый столик с лампочкой в металлическом абажуре. Олег протиснулся за столик со своими немаленькими габаритами, шваркнул по полу ножками древнего венского стула, разложил на столе брошюры и углубился в чтение.

Несколько брошюр-обзоров, полученных от Рукавишникова, сделанных специалистами-африканистами, Ермилов взял с собой, чтобы на даче их как следует проштудировать и попытаться понять, с чего начинать и как подступиться к этому делу.

Круг света от настольной лампы выхватывал напечатанные еще на пишущей машинке, а не на компьютере строки. Свет из окошка мансарды падал в сад, рассеиваясь по верхушкам яблонь. Мошки самозабвенно бились в оконное стекло.

С 1948 по 1991 год в ЮАР существовал режим так называемого апартеида⁵, проще говоря, обыкновенный расизм. Никаких дипломатических контактов на этот период с СССР у Южно-Африканской Республики не было.

«Действительно, прав Сорокин, – подумал Олег. – Как туда мог попасть разведчик, как передавал информацию при таком жестком режиме? Неужели содержание письма – фикция? Да и вообще, чтобы получить действительно важную информацию, надо было внедряться с очень серьезной легендой, а при всеобщей тамошней подозрительности, антикоммунистическом настрое, это было наверняка совсем не просто».

Ермилов понимал, как может работать разведчик такого уровня, но не верилось, что Герман Кройс является таковым. Почему ни в СВР, ни в ФСБ, увидев эту фамилию, ни у кого не возникло никаких ассоциаций или воспоминаний? Может, он действовал так давно, что ни Сорокин, ни коллеги из внешней разведки в силу возраста просто не могут помнить Кройса?..

«Первыми колонистами на территории современной ЮАР, – продолжал читать Олег, – были выходцы из Нидерландов. Их стали называть бурами от голландского слова боег – крестьянин. Они покорили африканские племена, используя труд рабов на своих фермах. Затем Британия обратила свой взор на земли Южной Африки. Для путешествий морем в свою индийскую колонию им был необходим перевалочный пункт. Они отбили у голландцев Капскую колонию и объявили ее своей собственностью. А в 1834 году отменили рабство, что ударило по кошелькам работорговцев-буров».

«Вот и тут английские ушки торчат, – подумал Олег. – Хозяева мира, понимаешь!»

Затем на границе территорий буров и англичан обнаружилось крупнейшее алмазное месторождение и началась война, закончившаяся победой буров. А через восемнадцать лет англичане затеяли вторую англо-бурскую войну, так как в Трансваале (на бурской территории) нашли богатейшие золотые месторождения. В этой войне Британия уже одержала победу.

Партизанская война, которую развернули буры, привела к созданию концентрационных лагерей. До этого подобные лагеря использовали только испанцы на Кубе, подавляя восстание. В английских лагерях погибло около двадцати семи тысяч женщин и детей от голода и болезней.

Англичане сжигали фермы, угоняли скот, сажали мирное население и военнопленных в концлагеря. Немцам в предстоящей Великой Отечественной войне было с кого брать пример. Они, правда, во многом превзошли своих учителей.

Знаменательно, что в англо-бурской войне на стороне буров воевали русские, французские, голландские, немецкие и некоторые другие иностранные добровольцы, не питавшие симпатии к англичанам.

В 1910 году по итогам войны был создан Южно-Африканский Союз как государственное образование в рамках Британской империи, при этом все права принадлежали белой расе. Так Союз назывался до 1960 года, когда и был переименован в ЮАР.

Уже через два года, в 1912 году, возник АНК (Африканский Национальный конгресс), правда, до 1925-го он назывался Южно-Африканский Туземный Национальный Конгресс.

«Да, – вздохнул Олег, поглядев в черное ночное окно. Стекло отражало его усталое, казавшееся особенно бледным лицо с высоким лбом и небольшими залысинами в коротких русых волосах. – А про коренное население и не вспомнил никто. Сами решили о себе напомнить. Да кому они там нужны? Нашли алмазы, золото – зачем бесплатное приложение? Туземцы! Рабство отменили, а по сути, как работали слугами, так ими и остались, в резервации их загнали, в города ни-ни, нельзя соваться. Жить только в, так называемых, локациях, из которых выходить лишь по пропуску. С наступлением темноты ни один африканец без особого раз-

⁵ Апартеид, апартхейд (*африк.* apartheid) – «рознь, раздельность», то есть раздельное проживание, работа и т. д. Официальная политика расовой сегрегации, проводившаяся правившей в ЮАР Национальной партией.

решения не мог появляться в общественных местах. Сформировали африканские гетто. И это притом, что африканцев большинство, шестьдесят шесть процентов населения всей страны. А теснятся они на тринадцати процентах территорий собственной родины».

– Не позавидуешь этому Кройсу, – пробормотал Ермилов и подумал: «Хотя, неспроста он Кройс, да еще и Герман. Наверняка – белокожий, да еще с немецким именем».

Олег вернулся к чтению, прогладил тыльной стороной ладони брошюру на сгибе, чтобы старые чуть желтоватые страницы не выгибались. «Ага, а вот и компартия. Куда же без правящей и направляющей?».

В 1921 году создали первую компартию на африканском континенте именно в ЮАС. Она имела своих представителей в Коминтерне.

– О, вот это уже интересно, – воодушевился Олег.

КПЮА⁶ являлась первой нерасовой политической организацией. Активно привлекали европейскую молодежь. «Не тут ли наш разведчик и возник?» – Ермилов повертел в руках огрызок карандаша, которым делал для себя пометки в блокноте.

Почти сразу он отверг эту мысль и даже рассмеялся, представив себе человека уже довольно взрослого в 20-е годы, дожившего до 1992, когда он передал автору письма секретные материалы. Старик-шпион – это весьма импозантно. Впрочем, смех угас, когда Олег осознал, каково было в тех условиях работать «их парню».

– Проект «Берег», – вдруг вслух сказал Ермилов, как бы пробуя это словосочетание на вкус и на слух.

Не покидало ощущение, что он об этом слышал совсем недавно и явно не в стенах ФСБ.

– Но где же, где? – пробормотал он. Открыл окно, высунулся вдохнуть сырой ночной воздух и тут же ему в глаз влетела мошка.

– Ермилов, ты будешь спать? – раздался из-под пола гневный приглушенный голос Людмилы. – Завтра тебя не добудишься. Сидит, бормочет. Как привидение замка Моррисвилль. Олег, ну я кому говорю!

«Привыкла мальчишками командовать», – уязвленно подумал Ермилов, потирая глаз, однако проворно спустился из мезонина.

⁶ КПЮА – Коммунистическая партия Южной Африки.

Глава вторая

Утром Ермилов проснулся оттого, что кто-то на нем сидел. Еще не открыв глаза, Олег по весу и костлявым коленкам определил Петьку.

– В Москве тебя в школу не добудишься, а на даче черти крутят... в такую рань, – прищурившись, он взглянул на ходики, висевшие на стене напротив кровати, и спихнул Петьку с себя. – Мать разбудишь, она тебе задаст.

– Ты на работу опоздаешь, – обиженно пробормотал сын. – Я Марта выпустил гулять, ведь он скулит, паразит. Кобель порченный!

– По губам сейчас получишь! Где ты набираешься этой дряни? И манеры у тебя какие-то шпанистые, – Ермилов окинул его сонным, но довольно сердитым взглядом.

На Петьке были потрепанные серые шорты и объемная белая майка, русые, как у отца, волосы отрасли и завивались на шее колечками. Загорелый, оцарапанный, наглый до невозможности. Непонятно только, в кого пошел.

– Кто из тебя вырастет? – покачал головой Ермилов, поднимаясь с постели.

– Полковник!

– Я тебе дам, бездельник! Ты в школе сперва учись как следует, – рассердился Олег и пошел умываться на улицу к ржавому крану летнего водопровода, из которого шла ледяная вода.

Солнце светило еще чуть сбоку, только приподнялось из-за крыши соседского дома. Ермилов с удовольствием облился с головой, фыркая и разбрызгивая вокруг головы радужные капли. Позавтракав с сыновьями, поспешил на электричку. Когда она подъезжала к станции, ее было слышно на даче Ермиловых.

После совещания у Сорокина, где Олег Константинович пока что ощущал себя лишним, он поспешил в архив.

Леонид Степанович ожидал Ермилова с легким недоумением на лице. Высокий, сухопарый, с седыми короткими топорщащимися усами, в темном костюме и темно-коричневой рубашке, не очень подходящей для летней жары, он выглядел старше своих лет, казался несколько старомодным, словно жил еще в семидесятые годы в СССР.

– Вы меня озадачили, Олег Константинович, своей просьбой по ЮАР. Материалов по большому счету не так уж и много, во всяком случае, отдельных, полноценных. Есть упоминания, ссылки в других делах. Я вам подобрал кое-что. Ознакомьтесь. Может, возникнут какие-то вопросы, будем копать еще. Главное, определиться, в каком направлении искать.

– А насчет проекта «Берег»?

– Ни Германа Кройса, ни упоминаний о проекте. Во всяком случае в доступных документах. Есть ведь и такие, к которым допуск можно получить только по особой санкции, – архивист показал пальцем в потолок.

Ермилов разочарованно фыркнул:

– А я-то надеялся, что у вас тут в архиве, как в Греции...

– Отчасти, – ничуть не смутился Леонид Степанович. – Мой опыт подсказывает, что Кройс, может быть, совсем не Кройс и даже не Герман, что проект «Берег» может проходить под цифровым кодом или называться как угодно. Слово проект тоже не обязательно будет употребляться. Совсем не просто искать. Вы уверены, что «Берег»?

– Я уже ни в чем не уверен, – пожал плечами Ермилов. – А тут что? – он покачал папкой, которую передал ему архивист. Спohватившись, расписался за нее в журнале.

– Тут выдержки из разных дел, где есть упоминание о ЮАР. Думаю, излишним будет вам напоминать, что эти документы нельзя выносить отсюда.

Олег кивнул, подумав, когда же наконец, все привыкнут, что он здесь не случайно, надолго и вполне понимает, что такое секретность. Читать ведь можно только в читальном зале архива.

Ермилов сел за стол, раскрыл папку и начал вчитываться.

Докладные записки офицеров безопасности советских посольств по африканскому континенту. В основном, из Анголы, где СССР имел большое влияние. Везде ЮАР упоминалась в связи с вторжением на территорию Анголы 14 октября 1975 года. Юаровцы поддерживали УНИТА⁷, чтобы защищать свой оккупационный режим в Намибии. Агостиньо Нето, председатель МПЛА⁸, обратился за помощью к СССР и Кубе. В 1981 году около пяти тысяч юаровцев вторглись в ангольскую провинцию Кунене. В ходе этих боев, где ЮАР использовала тяжелую артиллерию, самолеты и вертолеты погибло девять советских военнослужащих и четверо наших гражданских специалистов. Один военнослужащий попал в плен. В 1984 году ЮАР и Ангола подписали соглашение о прекращении огня. УНИТА поддерживали не только ЮАР, но и Соединенные штаты Америки.

Олег читал до обеда, но ничего интересного для себя не почерпнул. Сдав папку, он ушел на обед.

Возвращался в свой кабинет по слабо освещенным коридорам с коричневыми стенами, пол под ногами, покрытый коврами дорожками, скрипел и гулко пружинил. Олег расстроено думал, что он будет трепыхаться, рыться в желтых, старых бумажках, а его просто водят за нос. И, в первую очередь, этот пресловутый аноним. Ну и Сорокин, у которого и забота только одна – загрузить бестолкового новичка работой, чтобы под ногами в серьезных делах не путался.

Огромное пыльное окно свет пропускало, как сквозь пепельную кисею. Кактус уныло наклонил свою круглую колючую макушку в сторону этого робкого света.

Олег достал брошюры-обзоры, которые вчера так и не дочитал.

Тут он обнаружил высказывания премьер-министра ЮАС Смэтса, сделанные им в Оксфордском университете. «И чего он, спрашивается, туда поперся? – Олег постучал карандашом по брошюре. – Выслуживался господин Смэтс».

«Очевидно, что черная раса настолько уникальна и настолько отличается по своему менталитету и культуре от европейского менталитета и культуры, что она нуждается в политике совсем иной, нежели та, что подходит для европейцев. Для Африки ничего не может быть хуже, чем применение политики, целью и тенденцией развития которой стало бы разрушение основ этого африканского типа, деафриканизация африканца и превращение его или в домашнюю скотину, или в псевдоевропейца. И тем не менее, в прошлом мы использовали обе эти альтернативы в наших взаимоотношениях с африканцами. Сначала мы смотрели на африканца как на существо неполноценное или неразумное, не имеющее души и пригодное только на то, чтобы быть рабом. Как раб он стал предметом торговли, и в течение столетий рабы были самой большой статьей экспорта с этого континента...»

Ермилов брезгливо отпихнул от себя брошюру и покачал головой.

«Эти ребята знают, в чем нуждаются те или иные нации. Поразительное самомнение! Нет, правда, нацисты – только кривое зеркало, отражающее англичан... А ведь как заманчиво чувствовать себя лучше чем другие. Хотя то, кем ты родился – черным или белым не зависит ни от тебя, ни уж тем более от твоих человеческих качеств и умственных способностей. Любопытно, чем в этой вот среде мог заниматься наш разведчик? Разбираться в тонкостях расист-

⁷ УНИТА (Uniao Nacional para a Independencia Total de Angola (*норм.*) – Национальный союз за полную независимость Анголы.) – Политическая партия в Анголе, созданная на базе повстанческой группировки. Основатель Жонас Савимби.

⁸ МПЛА (Movimento Popular de Libertacao de Angola – Partido do Trabalho (*норм.*) – Народное движение за освобождение Анголы – партия труда) – политическая партия Анголы, правящая страной со времени обретения ею независимости в 1975 году.

ской теории (хотя какие там тонкости) и в латентном рабстве, обоснованном демагогическими речами англичан из правительства ЮАС, а затем и ЮАР. Обзоры политической обстановки? Ведь был, наверное, информационный голод, учитывая отсутствие контактов на дипломатическом и политическом уровнях».

Олег снова пошел в архив и вернулся к подборке из папки. Первое же попавшееся на глаза слово «Ангола» натолкнуло его на мысль, что СССР мог интересоваться планами ЮАР относительно УНИТА и противостояния с Анголой. Из документов, которые читал Ермилов, следовало, что ЮАР активно снабжала унитовцев оружием.

Но аноним в письме писал о смертельной опасности, грозящей обладателю информации. Это должно было быть что-то судьбоносное для России, именно для России, так как разведчик передал документы автору послания в 1992 году. И тема с Анголой в тот смутный период уже не являлась столь актуальной.

Вопрос о ядерном вооружении? И тогда, и сейчас это всех живо волнует. Ермилов пролистнул стопку листков и нашел то, что искал.

В 1970-х годах ЮАР начала разработки ядерного оружия при активном участии Израиля. В 1977 году в Калахари соорудили шахты для испытания взрывного устройства, но без ядерного заряда. И США, и СССР засекли эти приготовления. Мировая общественность выступила с заявлениями по этому поводу. Но уже через два года произошел инцидент Вела или так называемый «ничейный» взрыв. Американский разведывательный спутник VELA 6911 зарегистрировал две ярких вспышки. Со временем разведка выявила, что это дело рук ЮАР и не без участия Израиля.

В 1988 году, запугивая Ангольское правительство, ЮАР расконсервировала одну из шахт. Но уже в 1990-м, отказываясь от режима апартеида, Ф. де Клерк⁹ принял решение уничтожить запасы ядерного оружия. Инспекция МАГАТЭ¹⁰ через год подтвердила это официально.

Если судить по документам, что лежали сейчас перед Олегом, в Африке действовал разведчик, и сомнительно, что это мог быть Кройс, во всяком случае, в этих документах не упоминалось ничего, что могло бы позволить провести аналогии.

– 92-й год, – пробормотал Олег. – Вряд ли ядерная проблема. Тем более оружие уничтожили. Или нет?.. Тогда это могло бы быть той горячей информацией? А проект «Берег»? Или это он и есть? Гадание на кофейной гуще...

Ему захотелось выпить кофе. Он подумал было закруглиться на сегодня с чтением, но в папке было и несколько отчетов разведчиков. Ермилова заинтриговал особенно один. Пролитнув его, сперва не вчитываясь, Олег заметил имя «Герман». Вот тут он и сделал стойку, забыв о желанном кофе, вернулся к началу и принялся читать внимательно отчет некоего Барта Ван Дер Верфа.

⁹ Фредерик Виллем де Клерк – президент ЮАР в 1989–1994 годах. 1936 г.р. Лауреат Нобелевской премии мира.

¹⁰ МАГАТЭ (IAEA – International Atomic Energy Agency (*англ.*)) – Международное агентство по атомной энергии.

Глава третья

1986 год

Барт Ван Дер Верф – выходец из Голландии, но не потомок буров, а из тех голландцев, которые приезжали работать на рудники в надежде обогатиться. Поскольку он инженер-химик, не чернокожий, что во времена апартхейда имело колоссальное значение, то в золоторудном и урановом районе Витватерсранд, он довольно быстро нашел работу и приобрел авторитет.

Наиболее крупные месторождения, где уран содержится в комплексе с золотом, находятся в районе города Клерксдорп, но Ван дер Верф стремился поработать на разных рудниках и приисках – и на Агнесс, и на Шебе, и в Уэст Ранде, и в Ист Ранде, и на Фортуне, объясняя это стремление тем, что пишет диссертацию по геологии ЮАР.

Он мог часами рассказывать собеседникам, вгоняя их в сон, о том, что «в строении фундамента Капваальского кратона основное значение имеют мигматито-гнейсовый комплекс и раннеархейские зеленосланцевые вулканогенно-осадочные толщи, с которыми связаны месторождения руд сурьмы и золота». И далее в таком же духе. До исступления слушателей. Ему были готовы отдать кошелек и жизнь, после первых же двух предложений, лишь бы он заткнулся. Барт говорил на африкаанс, впрочем, с таким же успехом мог бы говорить и на родном нидерландском, его бы и так поняли.

В своем сером комбинезоне, в белой каске, загорелый дочерна, он не походил на того бледнокожего голландца, который приехал в ЮАР лет пять назад, хотя никто не мог сказать наверняка, когда его нескладная, с длинными руками и кривоватыми тощими ногами фигура появилась на приисках, потому что он часто менял место работы.

Прииски напоминали огромные древнегреческие амфитеатры, чаша с рельефными стенами – тут работали экскаваторы, в отличие от начала века, хотя и сейчас в некоторых местах добывали по-старинке – вручную намывая золото. Кто задумывался о тяжести труда, если его выполняли чернокожие? Они жили в хижинах около прииска. Шахты, где добывали алмазы, напоминали жутковатые инопланетные норы – темные, едва-едва укрепленные досками. Но были и тоннели с проложенными по земле рельсами и даже с освещением.

Жил Барт в домике для инженеров. Из белого легкого пластика, внутри которого было всегда душно, а зимой – холодно. Слышались даже негромкие разговоры соседей по боксам. Но тут Ван Дер Верф проводил только ночь, да и то свет у него горел далеко за полночь – он или читал, или занимался пресловутой диссертацией, которой прожужжал всем уши. И вставал он, кажется, раньше всех. Иногда уезжал с приисков и возвращался всегда подвыпивший, этим и объяснялись его отлучки. Голландец уважал горячительные напитки, но позволял себе расслабляться только выбираясь в город на своем старом синем джипе.

Однажды, после одного из таких выездов, Барт вернулся, слегка покачиваясь на кривоватых ногах, посмеиваясь над своей нелепой пьяненькой походкой. Он несколько раз оскользнулся на размытой водой тропинке, размахивая руками. Вода из душа вытекала прямо на дорогу. Пахло мокрой землей и чем-то кислым из столовой. Барт попытался запеть на голландском, краем глаза заметив взгляд соседа-инженера из окошка, но тот отошел, не оценив песнопений Барта.

Ван Дер Верф тут же довольно проворно приблизился к двери в свой блок и юркнул внутрь. Здесь он уже не выглядел пьяным, только запах виски от него исходил довольно сильный.

Задернув штору из плотной ткани, зажег лампочку, свисающую на шнуре над столом, и развернул небольшую бумажку с колонками цифр. Довольно быстро он прочел зашифрованный текст и сжег бумагу, глядя на пламя растроганным взглядом. Ему передали из Центра короткое послание от жены. Аманда сейчас у родителей в Бразилии вместе с детьми.

Они когда-то жили там вместе. Когда дети были еще совсем маленькие. Небольшой домик в Собрадиньо, где Барт работал инженером на строящейся гидроэлектростанции. В Жуазейру, городке поблизости от Собрадиньо, он познакомился с бразильянской Амандой, и там они были очень счастливы.

Вечерами сидели в плетеных креслах во дворе на невысоко приподнятом над землей кафельном крыльце без ограждения, которое там называли ареа. Наблюдали в закатном свете, как прилетают колибри к цветнику во дворе, крохотные быстрые, разноцветные.

Иногда, оставив детей с матерью Аманды, уезжали на машине за много километров в каатингу и там останавливались у знакомых, живущих в одиноком домике почти в степной местности – только несколько манговых деревьев росли во дворе. Хозяин, дон Валдир, угощал их фруктами, сорванными несколько дней назад, так как свежесорванные манго должны полежать, чтобы дозреть. По дороге на эту фазенду среди редких невысоких деревьев им встречались зебу и одичавшие мулы, с дерева на дерево перелетали стаи зеленых попугаев.

Им выделяли в каждый приезд просторную комнату с окнами, закрытыми деревянными, изъеденными термитами жалюзи. Тут пахло манго, кафельные полы холодили босые ступни. Графин с ледяным соком маракужи, остро пахнущей, иссякал к утру. Аманда не давала Барту спать. Волновали ее черные глаза, блестящие в слабых отблесках, она горячо шептала слова, многие из которых он даже не понимал, но его слух ласкал португальский язык, особенно из уст Аманды. Ее мягкие пухлые губы, ее глубокий, чуть с хрипотцой голос, контуры смуглой обнаженной фигуры...

А часов в пять утра, когда только удалось задремать, Барта разбудил хозяйский пятилетний мальчишка. Оседлав невысокий каменный заборчик, на котором в ожидании восхода солнца и тепла замерло несколько ящериц, юный нахал распевал во все горло популярные бразильские песни. Аманда открыла глаза, прислушалась и рассмеялась, видя озадаченное лицо мужа...

Вечером следующего дня спала жара, и они ехали по темной дороге, освещаемой только фарами их маленького фольксвагена-«жучка». Иногда свет выхватывал ягуаров, и их глаза зло блестели оловянными пуговицами...

В дверь блока постучались. Барт стряхнул пепел от сожженной шифровки в металлическое ведро с крышкой. Шагнул к постели и достал кольт из-под подушки. Иметь оружие здесь не возбранялось, многие специалисты опасались нападения черных. Кольт Ван Дер Верф держал за спиной. И только тогда отпер дверь. На пороге стояли люди в форме армии ЮАР.

Барт вспомнил, что он пьян. И покачнулся.

– Что хотят господа офицеры? – Он прекрасно видел, что один из пришедших – сержант, причем то ли пьяный, то ли больной. Ван Дер Верфа здорово напугало их появление. – Приятно видеть наших доблестных военных. Зайдете на стаканчик виски? Правда, льда нет, но виски и так пойдет. А?

– Господин Ван Дер Верф? Я – лейтенант Томас Хоф, – уточнил стоящий позади сержанта военный, лицо которого тонуло в темноте тропической ночи. – Вы не могли бы на ночь приютить нашего сержанта? Мы приехали по служебным делам, а его совсем развезло от лихорадки. Мне сказали, что в вашем блоке есть лишняя койка.

Зато лицо сержанта бледное, в испарине, с закатывающимися глазами, Барт разглядел хорошо.

– Надеюсь, господин офицер, это не заразно?

– Разумеется, нет, иначе я не привел бы его к вам. Обычный приступ малярии. К утру ему полегчает, и я зайду за ним. Его зовут Виктор.

Сержант переступил порог и, едва закрылась входная дверь, осел на руки Барта. Голландец уложил неожиданного гостя на койку, и тот лежал какое-то время молча, а затем начал бредить. И в бреду говорил странные вещи. Ван Дер Верф уловил слова: «Лаборатория, вирусы,

люди – подопытные кролики. Смерть. Холера». Слова были бессвязные, но только на первый взгляд.

Отчего-то у Барта не сложилось впечатление, что это всего лишь бред. Наоборот. У него от этого страшного шепота сержанта мурашки пошли по спине, и возникло желание бежать от больного спецназовца куда подальше. Но сперва Ван Дер Верф, заперев дверь, быстро обыскал карманы сержанта и сфотографировал его документы. Виктор де Фонсека оказался из спецназа ЮАР. Затем Барт спрятал свои документы, кольт и маленький фотоаппарат в железный ящик под кроватью и быстро вышел из домика.

Офицера Томаса Хофа он нашел в конторе в одиночестве. В круге света от металлического круглого плафона, помаргивающего от слабого напряжения, Хоф перебирал какие-то бумаги из стопки папок, лежащих справа от него. Он зыркнул на Барта довольно зло и спросил раздраженно:

– Что вам?

– Господин лейтенант, я не могу с вашим приятелем ночь коротать. Он стонет. Мечется. Я положил ему на лоб влажную тряпку. Он затих. А я вот что подумал, – Барт достал из кармана брюк плоскую бутылку с янтарной жидкостью. – Может, скоротаем вечерок?

– Ну что же, – выражение круглого лица Хофа смягчилось. – День сегодня промозглый, господин...

– Просто Барт.

– Томас, – лейтенант протянул крепкую ладонь.

Одной бутылкой дело не обошлось. И уже к середине ночи Томас поведал, что с «этим никудышным сержантом он каши не сварит и не выполнит задание шефа».

– Ты человек приятный, – Томас покачал головой. – Может, поможешь? Мне надо отобрать из черномазых человек пять для работы. И отвезти их в... – Он осекся...

– Зачем вам рабочие? Чего-то строите? Так я сразу скажу, эти черномазые обезьяны ничего не умеют, их надо без конца подгонять. А вот я – инженер, работал на строительстве гидроэлектростанции. Вам не нужны сотрудники на вашу стройку?

– Не... не думаю, – икнул Хоф.

– Я ведь еще и диссертацию пишу. Томас, это же чрезвычайно интересно! – Барт оседлал любимого конька. – В архейское время тут существовала межгорная котловина, ее заполняли речные осадки, переносившие золото с окружающей территории и отлагали его в русловых фациях. Вот такие горизонты золотоносных конгломератов, сильно уплотнившиеся за миллионы лет и являются объектами отработки. На плато Велд разрабатываются месторождения золота и урановых руд, каменного угля, алмазов – в районе Кимберли. Мы находим и платину, железные, титановые и ванадиевые руды, хромиты и другие полезные ископаемые...

– Да-да, это все интересно, только мне бы пять рабочих... Может, ты привезешь их в Роодеплат? – Он запнулся, видимо, нельзя было произносить это название. Барт не стал переспрашивать. – Я тебя встречу, и мы пропустим с тобой еще по рюмашке. Только не надо афишировать о своей поездке. Им не говори, куда везешь, скажи только, что они получают неплохой заработок и условия получше здешних. И твои услуги мы оплатим. Я бы сам все организовал, но ты же видишь, этот Фонсека с его лихорадкой поломал мне все планы.

– А почему нельзя никому говорить? – наивно поинтересовался Барт.

– Найдутся охотники подработать. Уж лучше я тебе деньги заплачу. Ты парень вроде стоящий.

– Спасибо на добром слове, – расплылся в улыбке Ван Дер Верф. – Когда вам доставить черномазых?

– Желательно, завтра-послезавтра, – хмель притупил бдительность Хофа.

Уже утром он жалел о ночном разговоре с инженеришкой. Сколько раз зарекался не пить. Все этот Фонсека! Его, похоже, придется класть в госпиталь. Возись теперь с ним. «В конце

концов, – утешил себя Хоф, – надо строить дополнительный корпус для лаборатории. А потом этих парней в океан, как тех, предыдущих... Одним негром больше, одним меньше. А голландец привезет людей и отправлю его восвояси. В запретную зону его все равно никто не пустит. Лишь бы не дошло до генерала...»

Томас увез де Фонсеку в госпиталь, а Барт стал подбирать людей. Уже на следующий день, втиснув всех пятерых в свой джип, голландец поехал по указанному Хофом адресу.

У въезда в запретную зону стоял серьезный пост. Шлагбаум охраняли не обычные полицейские, а спецназовцы. Забор с колючей проволокой по верху – все это крайне заинтриговало Ван Дер Верфа.

К посту, только с внутренней стороны, подъехал Хоф на военном песочного цвета джипе. Барт сразу понял, что-то изменилось в отношении лейтенанта к нему, и голландец вообще зря рискнул приехать, тем более, не известив Центр о своей инициативе. Но не разворачиваться же и не устраивать гонки на джипах. «Эти мордовороты и стрельбу откроют, – Ван Дер Верф через солнцезащитные очки незаметно взглянул на вышку поста. – Там, похоже, пулемет».

Барту уже не хотелось проникать внутрь, во всяком случае не сейчас, когда на него направлены стволы автоматов спецназовцев. Однако Хоф вдруг велел поднять шлагбаум, чтобы машину голландца пропустили внутрь. Вот тут Барт понял, что обратно его уже вряд ли выпустят. Если так легко запускают на объект, охраняемый столь строго, то это настораживает.

– Выходи, – холодно велел Хоф, расстегнув кобуру, но не вытаскивая пистолет. – Руки держи так, чтобы я видел.

В этот же момент несколько спецназовцев выволокли напуганных до смерти чернокожих, уложили их лицами в дорожную пыль, некоторых прижали тяжелым ботинком к земле.

– В чем дело? – Барт послушно вышел, держа руки перед собой. – Томас, я всего-навсего привез рабочих, как мы и договаривались. Хотел получить деньги и уехать. В чем дело?

– Не Томас, а господин лейтенант, – зло процедил Хоф. – Ты шпион! И мы сейчас живо выясним, на кого ты работаешь. На КПЮА, а может, на АНК или ты из «Умконто ве сизве»¹¹? Этих – в барак, их тоже проверить, – велел он, кивнув на рабочих. – Его – в офис.

Барт с сожалением посмотрел на привезенных им сюда ребят. Он понимал, что крепко подставил их. За его жизнь сейчас никто и гроша ломаного не даст, а уж за них и подавно.

Голландца обыскали и впихнули в песочного цвета джип. На голову накинута мешок, чтобы не видел лишнего, а потому у Барта вспыхнула надежда, что все-таки отпустят. Значит, решение о его ликвидации еще не принято. А стало быть, надо стоять на своем. «Но что же изменилось? – думал он, стараясь дышать ровнее, чтобы не запаниковать в темноте и духоте мешка, от которого жутковато пахло чьей-то кровью. – Неужели Фонсека был не без сознания, когда проговорился в бреду или видел, как я фотографировал его документы?»

С тревогой подумал об Аманде. Но тут же отогнал эту мысль, собираясь во что бы то ни стало выкарабкаться из казалось бы безвыходной ситуации. Но свербело осознание: «Влез куда не надо, и тут же провал».

Его вытащили из машины, повели куда-то. Он видел под ногами только облачка пыли из-под собственных ботинок. Затем пыльная дорога сменилась на кафельный пол, он ощутил прохладу кондиционированного воздуха, услышал звуковой сигнал электронного замка и учуял странный, похоже, медицинский запах, тревожный и неприятный.

Кто-то заговорил по-немецки. Поскольку Барт не ожидал услышать немецкую речь и от чрезвычайной степени волнения, он не понял ни слова, хотя знал немецкий неплохо. Хоф ответил тоже на немецком, и Ван Дер Верф понял.

– Герр Герман, он наверняка шпион этих черномазых. Наверняка агент АНК.

¹¹ «Умконто ве сизве» – «Копье нации» – вооруженное крыло АНК, созданное в 1961 году. Цель организации – вооруженная борьба за ликвидацию режима апартеида.

– Вы, однако, весельчак, Хоф! – сухо сказал Герман. – Голландец работает на прииске, неплохо зарабатывает, не бунтует чернокожих, даже привез нам пятерых для работы. В чем дело, Хоф? Я за бдительность, но в вашем случае *gebranntes Kind scheut das Feuer*¹².

– Простите, но я подумал, – Хоф понизил голос. – Фонсека был у него в комнате. Барт мог слышать тот же бред, который был и в госпитале. Вы же понимаете?

– Знаете что, Хоф, – Герман наоборот повысил голос. – Фонсека уже там, где никому не повредит. Это во-первых. Вы сделали большую глупость, когда привели сюда этого человека. Он не должен меня видеть – это во-вторых. В-третьих, у меня такое чувство, что он понимает немецкий. И в-четвертых, я сейчас вместо Вутера, поэтому извольте прекратить самоуправство и соблюдайте дисциплину!

– Я... я не понимаю, – проямлил лейтенант.

– Выведете голландца за забор, расплатитесь с ним за услугу, ведь он привез рабочих, – в голосе Германа прозвучала непонятная Барту ирония. – Извинитесь и попросите не болтать лишнего. Впрочем, после пережитого сегодня, он не станет распространяться обо всем увиденном и услышанном... И прошу вас, Хоф, не отвлекайте меня от работы по таким пустякам!

– Слушаюсь! – обиженно буркнул лейтенант и, подхватив голландца под локоть, потащил его на выход. – А что с рабочими?

– Пускай работают. Вы свободны.

– Что происходит, в конце концов? – решил подать голос Барт, когда снова услышал звук электронного замка и хлопнула металлическая дверь. Не заговорил раньше, чтобы этот загадочный Герман не передумал. – Вы просили меня привезти рабочих, я сделал как договаривались.

– Тихо ты! – осадил его Хоф и помог сесть в машину.

Через несколько минут езды, джип остановился. Скрипнули ворота. Барт ослеп от солнечного света, когда с его головы сорвали мешок. Он ожидал всего, чего угодно. Наставленных на него автоматов, готовых к стрельбе, или оказаться в камере... Но опасения, что Хоф обслуживается Германа, не сбылись. Голландца отвезли за ворота запретной зоны и высадили около его собственного джипа. Денег ему Хоф так и не заплатил, да Ван Дер Верф и не настаивал, лишь бы ноги унести.

Добравшись до прииска, он заперся в своем блоке и трясся около часа, захлебываясь пил виски прямо из бутылки и лихорадочно пытался собрать вещи, чтобы бежать. Так и не опьянев, но чуть придя в себя, Барт успокоился и разложил вещи по своим местам. Бежать – вызвать подозрения, начнут разыскивать. Будет только хуже. На другом прииске тоже найдут. «Столько лет выстраивать карьеру, чтобы знать, где, что, сколько добывают, куда это отправляют, чтобы в один день все разрушить», – подумал голландец, ударив кулаком по столу.

На следующий день он выехал в город на внеочередной сеанс тайниковой связи.

¹² *Gebranntes Kind scheut das Feuer* (нем.) – Обожженный ребенок боится огня.

Глава четвертая

Ермилов обнаружил, что не различает строчек в отчете этого Барта. Он щелкнул кнопкой настольной лампы и взглянул на часы. Уже шел восьмой час.

Барт сообщал о своей неудачной попытке проникнуть в запретную зону. Его озадачило такое скопление военных, да еще спецназовцев, охраняющих зону. Но больше насторожил лояльный босс по имени Герман. Запах лекарств. Вероятная смерть Виктора де Фонсеки, на которую намекал Герман. Все вместе это выглядело странно.

– Роодеплат, – произнес Олег, поморщился, потер переносицу. У него заболела голова. – Это уже что-то...

Если предположить, что речь о том самом проекте «Берег», то Герман там весьма к месту. Это соответствует сообщению английского анонима.

Завибрировал мобильный телефон на столе.

– Олег! – в тоне Людмилы звучал металл. – Ты знаешь который час?! Помнишь, что у тебя семья есть – одна уже не очень молодая женщина и двое мальчишек?

– Какая женщина? – Ермилов никак не мог вынырнуть из отчета голландца.

– Ах, ты уже и не помнишь?!

– Прекрати! Что ты звонишь за всякой ерундой? Я на службе!

Опешив от его резкого тона, Люся спросила неуверенно:

– Может, и ночевать там останешься?

– Надо будет и останусь!

– Ну, как знаешь, – Людмила не пережила бы, если бы последнее слово осталось не за ней, поэтому торопливо отключила сотовый.

Ермилов выругался и посмотрел, что еще есть интересного в документах, относящихся к Барту Ван Дер Верфу.

«Интересно, где его завербовали? Здесь что-то о строительстве гидроэлектростанции в Собрадиньо. В Бразилии работали наши советские специалисты. Там, что ли?.. Что же он предпринял дальше? Ага, вот».

Олег нашел, что искал. Барт просил разрешение Центра попытаться выйти на контакт с Германом и подобраться поближе к запретной зоне. «Не робкого десятка оказался голландец», – оценил Ермилов.

Из документов следовало, что Ван Дер Верфу категорически запретили разрабатывать это направление.

Ермилов направился к Сорокину, который так же находился все еще на работе.

– Есть подвижки? – спросил Сергей Романович.

– Как сказать, – Олег присел к столу. – Нашел упоминание о Германе. По косвенным признакам тот самый. Речь идет о 1986 году. Близко ко времени, упомянутом анонимом. Судя по отчету разведчика, который действовал в ЮАР на приисках, Герман трудился на секретном объекте Роодеплат, в закрытой зоне, охраняемой спецназом и армией. Лица Германа он не видел, никаких особых примет, кроме того, что разговаривал Герман по-немецки. Чем занимаются в закрытой зоне разведчику не известно.

– Что нам это дает? Давай ближе к делу, – Сорокин взглянул на часы.

– Пока не знаю. По проекту «Берег» документы мне не выдают.

– И не выдадут, – нехотя согласился шеф. – Не знаю, в чем там загвоздка, да и знать не хочу – мне лишних секретов не надо. Да и тебе, думаю, тоже. Наша задача – найти документы, о которых писал аноним, а не раскапывать, кто такой Герман Кройс, хотя, как я догадываюсь, без информации о разведчике будет сложно выполнить задачу. А по самому Кройсу запрос делал?

– Ничего не нашли.

– Странно, – Сорокин подвигал черными бровями в задумчивости. – Если бы получить какие-то более веские подтверждения словам анонима, имело бы смысл отправиться в Великобританию и там на месте попытаться отыскать автора письма.

Возможность командировки в Англию, хоть и гипотетическая, воодушевила Ермилова. Хоть какая-то польза от этого письма. Но где их найти, эти подтверждения?

– Думай, но недолго. У нас и без этого письма дел невпроворот.

– Есть, – кивнул Ермилов.

Домой он добрался в десятом часу. Духота даже к вечеру не ослабла. Ни ветерка, как перед грозой. Около дома его не встречали. Олег обнаружил семейство на террасе. Мальчишки играли в настольную игру, заняв весь обеденный стол карточками и фишками. Обиженная Людмила сидела у телевизора, не собираясь кормить мужа. Олег решил самообслужиться и тут же разбил тарелку с надписью по ободку «Общепит». Ее лет пятьдесят назад кто-то из родственников во времена всеобщего дефицита стащил из столовки.

– Медведь, – не оборачиваясь, прокомментировала Люська и добавила веско: – Слон в посудной лавке.

– Люсь, я есть хочу, – Олег наступил на горло собственной гордости.

– Кто бы сомневался! Я что, должна все время разогревать? Я, между прочим, в отпуске и вообще...

Что «вообще» Ермилов так и не узнал, услышав по телевизору имя Вутер Бассон, слово «проект» и набившую оскомину аббревиатуру – ЮАР. Он замахал на Люську руками, и она с возмущенным лицом умокла.

Репортаж в этот момент как раз закончился. Олег выругался, забыв, где находится. Сыновья захихикали, а Людмила открыла было рот, однако, опомнившись, Ермилов не дал ей возможности высказаться.

– Пойду в душ, – выпалил он.

– Да уж, освежись! Ты что-то чудишь сегодня.

– Только сегодня? – подал голос Петька и тут же проворно выскочил из-за стола, когда Олег шагнул к нему. Сын влетел в комнату и щелкнул задвижкой.

Ермилов схватил полотенце в комнате и вышел на крыльцо. Взглянул на часы и подумал, что Сорокин не оценит его поздний звонок. Тем более, толком не удалось посмотреть репортаж. Ну, не показалось же ему. Барт упоминал имя Вутера в своем отчете. Это имя разведчик слышал от Германа.

Летний душ с черным баком над легкой металлической конструкцией, задернутой по периметру прорезиненной зеленой шторкой, не освещался, но Олегу свет и не требовался. Хватало того, что проникал из окон дома.

На голову лилась почти горячая, раскаленная за день в баке вода, расслабляла тело, но не мозг. Ермилов попытался выбросить из головы все, что связано с ЮАР, но вместо мыслей об анонимном письме, пришли не слишком приятные воспоминания, связанные с Чечней. Олег ездил в Грозный от Генпрокуратуры в командировки несколько раз в составе следственной группы по делу, которое вел другой следователь. Там Ермилова ранило в ногу. Осталась на память боль, возникающая в плохую погоду, и обрывочные картинки тамошнего быта. Он жил у соборовцев.

Полевой душ, дощатая загородка, бочка, раскалявшаяся на кавказском солнце, брызги, радужные, освежающие. Турник во дворе, огромные старые тополя с осколками в стволах и с посеченными ветками, мешки с песком в оконных проемах, автоматные очереди среди ночи, трассеры в ночном черном небе и трупный запах волнами наплывавший из городских развалин...

«Как это все далеко, словно и не было никогда», – Олег вышел из душа, повесив полотенце на шею, присел на скамейку у крыльца. Но комары не дали насладиться тишиной и све-

жестью позднего летнего вечера. Ермилов был в одной майке и вдруг почувствовал, как сверху, с крыльца, ему на плечи накинута рубашка.

– Олег, ну что ты тут? Ужин на столе, – Люда, облокотившись о перила, свесилась и взлохматила влажные волосы мужа. – Лысеешь ты, Ермилов!

– У меня лоб высокий, – сварливо заметил он. – Давай лучше твой ужин.

* * *

Сорокин выслушал Олега с некоторым недоумением.

– Причем здесь телевидение? Что, думаешь, им кто-то слил информацию?

– Подозреваю, что сведения про наше дело не такие уж секретные.

– Это ты брось. Все не так просто, – Сергей Романович прошелся по кабинету, остановился около окна, размышляя. И вдруг рассмеялся: – Хороши чекисты! Телевизор никто не смотрит. А там все секреты рассказывают.

Ермилов благоразумно промолчал. Он-то как раз смотрит.

– Есть вариант. Позвоню одному довольно известному корреспонденту, который делал про нас кое-какие репортажи. Он поможет отыскать этот проскочивший вчера материал и того, кто его готовил.

«Тот, кто готовил материал» и выпускал его в эфир оказался маленькой блондиночкой в синем до пола платье а-ля хиппи, с тканевой сумкой через плечо, похожей на изделия индийцев или афганцев. Можно было предположить по ее внешнему виду, что Олеся Меркулова вегетарианка и медитирует в любую свободную минуту.

Крупный, чуть неряшливый журналист, который и познакомил Ермилова с Олесей, предупредил по-свойски:

– Вы с ней поосторожнее. Она только с виду безобидная. Это же волчица в журналистике. А если понадобится осветить какую-то информацию, лучше ко мне обращайтесь. Я в теме. Олеска, если вцепится, то все вытянет, до последнего фактика, не понимает, когда остановиться. Для нее нет понятия секретность.

– Да какие секреты? – рассмеялся Ермилов. – У нас этим Центр общественных связей занимается. Не разглашением секретов, конечно, а работой с вашим братом.

– Да я знаю, – слегка смутился журналист. – Я так сказать, без задней мысли.

Олег еще не привык к тому, как относятся к сотрудникам ФСБ, пытаясь вывести секреты, любопытствуя. И теперь его это слегка смущало и даже раздражало.

В ресторанчике, в который Ермилов пошел с девушкой, неподалеку от телецентра, Олеся Меркулова заказала здоровенный бифштекс. «Вот тебе и вегетарианка», – подумал он, с невольной симпатией наблюдая за этой раскованной девицей.

Встречаться в Останкино она не захотела. «Не дадут поговорить, у нас редакция большая, шумная. Заодно пообедаю», – пояснила Олеся.

Она была голодна, ела не стесняясь, и вот уж точно не заморачивалась по поводу того, где служил этот высокий полковник со светло-серыми глазами и ямочкой на щеке.

– Ну и что вы хотели? – спросила она, активно пережевывая мясо и запивая его апельсиновым соком. – Мне сказали, вас заинтересовал какой-то мой репортаж? Что там особенного?

– Проект «Берег», – сказал Олег и посмотрел в ее черные, словно без зрачков глаза. Тут же подумал, что блондинка она наверняка крашенная.

– О, Господи! Да это всем известно. По всему миру прошли сюжеты еще в 99-м году, когда арестовали этого докторишку Вутера Бассона. Его прозвали доктор-смерть.

– Хорошо бы об этом поподробнее.

– А какая у вас должность?

– А что? – напрягся Ермилов, вспомнив недавние предупреждения журналиста о приставучести Меркуловой.

– Чего вы так пугаетесь? – рассмеялась она. – Мне просто любопытно.

Ермилов промолчал, хотя на языке вертелось: «От любопытства кошка сдохла».

– На самом деле не так много известно обо всем этом, – не дождавшись ответа, она вернулась к проекту «Берег».

Ермилов вздохнул. А он-то надеялся, что прямо сейчас, тут, за столиком, уминая бифштекс, эта девица расскажет ему то, что не доступно даже в архиве ФСБ. Но все же она знала достаточно много.

– Странно, что наши это недостаточно освещали в прессе. За границей информационные агентства о Бассоне все уши прожужжали. И Би-би-си, и Рейтер, и Си-эн-эн, и другие. Газеты пестрели заголовками о докторе-убийце. Он возглавлял секретный проект «Берег», разрабатывавший в 80-е годы химическое и бактериологическое оружие, чтобы бороться с врагами апартеида. Его судят с 1999 года.

– Что ему предъявили?

– Присвоение денег – около двадцати пяти миллионов долларов. Те деньги, что выделил апартеид на ведение химической войны. Кроме того – он торговал наркотиками. И главное – в связи с проектом «Берег» массовые убийства, опыты над людьми, пытки. Еще в 1986 году о проекте проговорился один сержант. Он кажется заболел и в бреду проболтался о проекте. Парня отравили с подачи Бассона. Дело замяли. В 97-м году Бассона впервые арестовали за хранение экстази, несколько сотен таблеток. Отмазали! – беспечно махнула рукой Олеся и позвала официантку: – Девушка, а можно сладкое меню? – Она мельком взглянула в меню. – Мне, пожалуйста, еще кусочек «Наполеона».

– Не жалко Наполеона? – улыбнулся Олег, немного кокетничая. Девушка ему понравилась. Он прикинул, сколько ей лет, потом вспомнил, сколько ему самому. В конце лета уже тридцать девять и вздохнул.

– А чего его жалеть? У-у, вражина! – Олеся хищно вонзила ложку в принесенный торт. – Этот проект так засекречен, что на суд не пускают журналистов, когда разбирают дело по «Берегу», то заседание проводят в звуконепроницаемой камере. Как вам? А?

– Занимательно, – уклончиво ответил Олег, чувствуя, что краснеет.

– Кое-какие сведения о проекте всплыли в ходе процессов над наркоторговцами и над Юджином де Кохом. Кто-то слил журналистам фрагменты обвинений, предъявленных Бассону. Если судить по ним, то в рамках проекта изготовили массу самых разнообразных наркотиков и психотропных препаратов, возбудителей холеры, сибирской язвы, чумы и еще чего-то там... И применяли химоружие против Анголы, Мозамбика и других стран. Бассон собирался и Нельсона Манделу прикончить, когда того выпустили из тюрьмы в 1990 году. Учитывая, что Бассон работал на правительство, имеет массу знакомств среди влиятельных людей, мне кажется – он и сейчас избежит наказания.

Олег пожал плечами. Как работает правосудие в ЮАР он не знал. Слышал только, что один расизм, плавно перешел в другой. Теперь там преследуют белых. Сеешь ветер, пожнешь бурю. И в связи с этим, может, Бассона и осудят.

– И зачем вам все это? – Олеся заказала еще капучино. Ермилов подивился, как в такую маленькую девицу столько еды умещается. Хотя он знал еще одного такого же человека – тощего любителя поесть. Сын Петька отличался большой прожорливостью.

– А этот ваш сюжет будут повторять? – не ответил Олег.

– Вряд ли. Каждый день что-нибудь новенькое. Работа у нас неблагодарная. Новости хороши пока они новые. На следующий день они уже не новы. Может частично повториться сюжет, когда будет решение суда. – Она потрянула головой. Заколотые на затылке волосы рас-

сыпались. Олеся полезла под стол за отлетевшей туда заколкой. А затем стала рыться в своей тряпичной сумке и достала блестящий большой кожаный кошелек.

– Я заплачу, – попытался предложить Олег.

Она снисходительно отмахнулась.

– Сама, сама. Я девушка самостоятельная.

Ермилов испытывал недоумение от услышанного. Теперь наступило понимание – автор письма подразумевал, что адресат знает о проекте «Берег», хотя бы в том объеме, в каком его сейчас просветила Олеся.

– Вот мой телефон, – журналистка протянула ему визитку. – Если нужно, могу передать вам рабочие записи материала.

– Да, не помешали бы. Придется вас еще раз оторвать от дел. Сейчас ведь не сможете мне дать кассету?

Олеся взглянула на него заинтересованно.

– Нужно пару дней, чтобы посмотреть записи. Есть больше материала, чем вышло в эфир. Но, в целом, я вам уже все рассказала.

– Я позвоню денька через два, – подытожил Олег.

* * *

Сорокин повторил свое категорическое «нет» по поводу запроса документов о проекте «Берег».

– Да пойми ты, нам их не дадут. А за настойчивость еще и по шапке получим. Нет оснований. Даже если мы там что-то найдем, это вряд ли поможет отыскать спрятанные материалы, о которых писал аноним.

– А вдруг выйдем на автора письма? Вдруг выяснится, что тот разведчик Кройс жив и здоров...

– Тогда он бы уже передал нам документы. Нет, думаю, Кройс мертв. Только в этом случае он мог передоверить добытые материалы не связному.

– А что если аноним и есть связной?

– Не выдумывай! Тогда он не стал бы подбрасывать письма дипломату. Это непрофессионально. За дипломатом могли следить, а увидев, что в машину брошено письмо, письмо бы изъяли...

– Как? – перебил Олег.

– Да стекло бы в машине выбили и дело с концом. Они на своей территории. А во-вторых, – с нажимом продолжил Сергей Романович. – За анонимом бы установили слежку. Никакой связной в здравом уме и твердой памяти, не станет так действовать. Только если и впрямь потерял память, что вполне может быть, раз он собрался передавать документы нам спустя почти девять лет после того, как сам их получил. Но уже то, что ты узнал о проекте – весомый довод, чтобы отправить тебя в Лондон. Я прозондирую почву с СВР, как нам лучше обставить твою поездку. Что там с их офицером безопасности? Он вроде собирался в отпуск. Это усложнит дело, если его кто-то заменяет. Лучше иметь дело с непосредственным участником событий. Ведь он пытался выйти на контакт с анонимом.

– Как бы нам хоть что-то узнать о Кройсе, – поморщился Олег. – Это же ни в какие ворота... Не выдают документы из архива и баста.

– Не горячись. По «Берегу» не выдают, а по Кройсу не нашли.

– Так точно, – нехотя признал Ермилов.

– А письмо у тебя с собой?

Олег раскрыл папку, и протянул листок. Сорокин привстал из-за стола, зажег настольную лампу. Взял лупу.

– Так, так, – произнес он заинтересованно. – А почему мы, собственно решили, что он – Кройс?

– Чего? – Олег посмотрел на шефа с большим подозрением. Мелькнула мысль, что работа с письмом – проверка на внимательность и профессионализм.

– Почему мы решили, что он Кройс? – с улыбкой переспросил Сорокин. – А не, скажем, Крайс, Крайз, Кройз, Крэйз или Крэйс?

– Транскрипция, – почти застонал от недогадливости Ермилов. Подошел к Сергею Романовичу и заглянул через плечо на увеличенное лупой имя разведчика. Всмотрелся. – Вроде бы «а», – пробормотал он.

– Вот и мне кажется, – согласился Сорокин. – Давай-ка попробуем сделать запрос на «Крэйс» или «Крэйз», хотя я думаю все-таки «Крэйс». А если не найдут, то хорошо бы проконсультироваться с экспертом по почерку и с лингвистом. Задача ясна?

– Так точно.

Ермилов вышел из кабинета и чуть не врезал сам себе в лоб за то, что не догадался о возможности разночтения фамилии Германа. Он тут же сделал новый запрос в архив по поводу Германа Крэйса, снова озадачив знакомого архивиста.

Пока ехал в электричке на дачу, несколько раз доставал из кармана визитку Олеси, вертел ее в руках и улыбался, вспоминая, как она уплетала бифштекс.

Людмилу он нашел в огороде. Она, сидя на низкой скамейке, пропалывала клумбу с флоксами. Услышала его шаги, не оборачиваясь, прокомментировала:

– Надо же, Ермилов вернулся с работы почти не ночью.

– Тебе не угодишь, – он повесил пиджак на перила и закатал рукава рубашки. – Я, может, в Англию поеду.

Люська обернулась испуганно. Она сразу поняла, что Олег туда собирается не отдыхать.

– Это не опасно?

Ермилов пожал плечами, немного рисуясь перед женой, хотя и сам бы не смог ответить на этот вопрос.

– Люд, я вот что думаю. – Он замаялся и все же спросил: – А если бы я тебе изменил, ты как отреагировала бы?

Она снова обернулась, а затем и вовсе пересела так, чтобы видеть Олега. Осмотрела его от макушки до пяток оценивающе. Прядь ее медных волос пристала к чуть влажному бледному лбу, зеленовато-голубые глаза глядели оценивающе и насмешливо.

– Ты хочешь попасть в статистику? – спросила она наконец.

– В какую? – попался он на ее крючок.

– Бытовых убийств.

– Ого! – расхохотался Ермилов натянуто. – Ты способна на убийство из ревности?

– Попробуй изменить – узнаешь.

– Не ожидал от тебя, Короткова. – Он присел на ступени крыльца и покачал головой. – Ты – мать двоих детей, адвокатесса. В тюрьму сядешь. А потом будешь ходить ко мне на могилку и рыдать, рвать на голове рыжие волосенки.

– Уймись, прокурорская морда! – Людмила погрозила ему совком, испачканным землей.

– Фээсбэшная, – охотно поправил он ее и увернулся от полетевшего в него совка. – Костюм испачкаешь! – возмутился он. – И потом, я ведь еще не изменил.

– И не изменишь, – с прохладцей в голосе сказала Люська.

– Ха! Думаешь, испугаюсь твоей расправы? – Ермилов наивно попался снова в ловко расставленные Люськой силки.

– Я помню, как ты за мной бегал в институте. Твои корявые, неумелые, прямолинейные потуги, отдаленно напоминающие ухаживания. Я абсолютно уверена, что на это больше никто не клонет.

– Вот тут ты ошибаешься! – завелся уязвленный Олег. – Думаешь, до тебя у меня не было женщин?

– Не-а, – издевательски покачала головой Люська. – Ты – тюфяк, Ермилов, хоть и обаятельный. Твоя ямочка на щеке – это все что в тебе притягивает.

– Угу. А как же ты на меня повелась, такая умная?

– А меня не внешность твоя привлекла...

Олег промолчал, потому что почувствовал – Людмила уже не шутит. И его тронули ее слова. Вернее, не произнесенное ею. Но все же он не удержался:

– А жизненный опыт? Люди меняются. Я стал старым и циничным.

– Я тоже не молодею, – вздохнула она.

– Что у нас на ужин? – решил уйти от скользкой темы Ермилов.

* * *

На видеозаписи, которую Ермилову передала Олеся Меркулова, Олег увидел фотографию Бассона. Лысоватый, полноватый человек с небольшой бородкой, ухоженный, в недешевом пиджаке.

Расположившись в небольшом зале, предназначенном для просмотра видеоматериалов, Ермилов зажег настольную лампу рядом с креслом, где сидел, и выписывал в блокнот некоторые факты, излагаемые в репортаже журналисткой. В зале царил полумрак, на экране появлялась в кадре довольно часто Олеся. Собственно, в репортаже о Бассоне показывать ей было особо нечего. Записей с доктором-кардиологом Бассоном почти не существовало. Поэтому чаще журналистка красовалась в кадре сама, либо представлялся видеоряд – картинки видов ЮАР, толпы чернокожих – нарезка, очевидно из материалов коллег.

Кассету Олег получил от сотрудника Центра общественных связей ФСБ, которого попросил встретиться с Меркуловой. Не то, чтобы он не доверял самому себе, но видиться с Олесей не захотел. Сейчас смотрел на нее на экране и пытался сосредоточиться на информации, которую она преподносила довольно грамотно.

Действительно ценное в репортаже – кусочки из единственного интервью Бассона, которое он дал корреспонденту Би-би-си. Вутер довольно откровенно заявил, что и США, и Великобритания, и некоторые другие страны знали о химическом и бактериологическом оружии в Южно-Африканской Республике. Еще в 1981 году Бассон в Техасе встречался с военными учеными из разных стран – Японии, Канады, США, Великобритании и Тайваня. Вутер выезжал и в Англию, и в ФРГ, чтобы перенимать опыт. Но в ЮАР строил работу все-таки по американскому образцу.

В связи с этим Олегу показалось странным, что тут же Бассон заявил об угрозах от людей, представившихся правительственными агентами США. Ему грозили смертью, если он выдаст в СМИ информацию об участии США в разработке химического оружия или информацию о самой химической программе Пентагона.

Как сообщала Олеся, сделав аналитический обзор йоханнесбургской прессы годичной давности, в частности, газет «Кейптаун индипендент», «Санди трибюн» и «Мейл энд гардиан», не составило труда сделать заключение о непосредственном участии западных спецслужб в проекте «Берег», а особенно в сокрытии следов по этому проекту. В 1999 году, как сообщалось в газетах, в двухстах сорока километрах от берега были затоплены двадцать пластиковых контейнеров. Каждый весил по пятьсот килограммов. Затопили их по прямому требованию спецслужб Великобритании и США. Контейнеры содержали наркотики – ЛСД, марихуану, кокаин, экстази и «мандракс» – синтетический наркотик (смесь димедрола и метаквалона), распространенный в азиатских и африканских странах. В контейнерах были не только те наркотики, что производились в лабораториях проекта «Берег», но и конфискат, который по особому рас-

поряжению «сверху», передавали Бассону из всех полицейских участков ЮАР. Об этом поведал бывший глава Криминалистического отдела полиции ЮАР Лотар Неетлинг.

Эти наркотики, как показал на суде бывший сотрудник военной разведки ЮАР Ричард Уэстер, поставляли в Великобританию, а взамен ЮАР получала британское оружие. Уэстер сидит сейчас в британской тюрьме.

«А может, это прикрытия для Уэстера? И он работал уже давно не на спецслужбы ЮАР, а и на доброго дядю из МІБ? Бэушное оружие взамен на наркотики?»

Олеся добралась и до швейцарских газет, впрочем, об этом писали и юаровские газеты. В том же 1999 году снова по требованию западных спецслужб в ЮАР уничтожили тысячи документов по проекту «Берег».

«Все ли? – азартно подумал Олег. – Тогда этим документам цены нет. Их даже гипотетическое существование станет костью в горле и ЦРУ, и СИС. Особенно, если в них найдется подтверждение их непосредственного участия в разработке химического оружия. Неужели Герман Кройс добыл эти документы и сумел их спрятать?»

Олег стукнул кулаком по подлокотнику, подумав, что офицер безопасности в Лондоне упустил анонима, а вместе с ним и документы.

Ермилов вздрогнул, когда зазвонила мобильный.

– Олег Константинович, справку по Юджину де Коку я подготовил, – сообщил Леонид Степанович. – Зайдете?

– Да-да, – обрадовался Ермилов. Он только утром попросил архивиста поискать информацию на «убийцу N1» как назвала его в своем репортаже Олеся.

– Юджин де Кок, иногда его называют Кох, – зачитал Леонид Степанович. – Вот его фотография, – архивист протянул фотографию Олегу. На ней довольно симпатичный мужчина, шатен, в больших очках, с умными чуть прищуренными глазами, с гладко выбритым тяжелым подбородком. – Прозвали его в ЮАР «верховным злом» – Prime Evil, – продолжил Леонид Степанович. – Белый южноафриканец. Полковник полиции. Был арестован в 1994 году в 45 лет. В 1996 году приговорили к двум пожизненным заключениям и двести двенадцати годам тюрьмы по обвинению в убийствах, попытках совершения убийств, похищениях и мошенничестве. Отбывает наказание в особо охраняемой части тюрьмы Претории.

В 1996 году де Кок принял участие в слушаниях КВСП – комиссия по восстановлению справедливости и примирению. Была такая комиссия, где рассматривались преступления совершенные властями апартеида в разные годы. Он стал палачом для многих крупных оппозиционных деятелей. Ему приписывали восемьдесят девять преступлений. Он возглавлял армейское спецподразделение, группу особого назначения С-10, в 1979 году принимавшую участие в войне на территории Родезии и Намибии. После этого подразделение превратилось в «эскадрон смерти», преследовавший противников Национальной правящей партии, как правило членов АНК.

Его в тюрьме навещали родственники убитых им активистов АНК. Он просил прощения. Некоторые простили его, так как он показался им искренним. Так же его посещала психолог, написала книгу о нем. Выходит, что он сам во многом жертва режима. С детства робкий парень, заикающийся, закомплексованный. На войне в Намибии ему, как сейчас говорят, крышу сорвало. Убивали там партизан, забавляясь, упиваясь кровью и страданиями. Считается, что у него был посттравматический синдром. Думаю, это в самом деле так.

Леонид Степанович умолк.

– Занимательный персонаж, – кивнул Олег, рассматривая фотографию. – Интересно, не мог он использовать в своей кровавой работе наработки Бассона?

Архивист пожал плечами. Он, похоже, не собирался озадачиваться проблемами Ермилова. Более того, он напомнил о запросе на Крэйса.

– На Крэйса информация есть, но ее я выдать не могу. Только при особом допуске. Извините.

Олег направился к Сорокину, расстроенный.

– Как работать, Сергей Романович? Это нельзя, то нельзя. В деле Крэйса наверняка можно найти упоминания об анониме.

– Ты что думаешь, там написано – аноним это Иван Иванович Иванов, проживающий по адресу такому-то. Ничего нам это не даст и дело никто не даст. Во всяком случае, на данном этапе на допуск не рассчитывай, – Сорокин помялся. – Николайчук – архивист, сказал мне важное для нас. Связь с разведчиком была утеряна в 1992 году, как раз тогда, когда он передал документы автору письма. Пять лет Крэйс не выходил на связь. Поисковые мероприятия не принесли никаких результатов. А если учесть, что они проводились в девяностые, сам понимаешь, особо тщательными они вряд ли были. Плохое финансирование, нехватка кадров... В прессе ЮАР не публиковались никакие компрометирующие нашего разведчика материалы, стало быть их спецслужбы не вышли на него. Поэтому наши сотрудники, занимавшиеся разведчиком Крэйсом, сделали вывод, что с ним произошел несчастный случай или естественная смерть. Чему, впрочем, тоже нет подтверждений. Дело закрыли и строго засекретили. Есть опасения, что он мог переметнуться на ту сторону. Но, как говорится, нет тела, нет дела. Пока не найдется он, живой или мертвый, с него не смыто подозрение в предательстве. Дело нам не дадут. Не сможем узнать ни биографических данных Крэйса, ни его подлинного имени, ни псевдонима, ни род деятельности, и его донесения нам пока не доступны.

– Почему?

– Странный вопрос, – сухо прокомментировал Сорокин. – Надо работать с тем, что есть. Докладывай, что еще нарыл.

Ермилов с хмурым видом рассказал о репортаже Меркуловой. О Юджине де Коке, связав его с проектом «Берег».

– Предполагаю существование уникальных документов, содержащих секретную информацию о проекте «Берег». Подтвердилось написанное в отчете голландца, что лаборатория называлась Роодеплат. Герман, судя по всему, работал именно там или находился в Роодеплате в тот момент, когда туда приехал Ван Дер Верф. Еще в проекте «Берег» участвовал «Дельта-Джи Сайнтифик» – исследовательский отдел, который возглавлял доктор Йохан Кёкемоэр. В состав этого отдела-фабрики входило пять лабораторий, оборудованных по последнему слову техники. Официально «Дельта-Джи» производила слезоточивый газ, все остальное было засекречено. Активно поддерживали работу над проектом спецслужбы Великобритании и США.

– Вопрос с твоей поездкой в Лондон решен, – удовлетворенно кивнул Сорокин. – Если этот аноним решился бросить письмо, он в принципе намерен избавиться от документов. Будем его искать.

– Иголка в стогу сена, – пробормотал Олег.

– Не ворчи. Будем искать. Игра стоит свеч, – Сорокин ободряюще улыбнулся, но тут же, посерьезнев, продолжил: – Переговори с дипломатом и его женой, обнаружившим письмо, с Максимом Тепловым – это офицер безопасности, наведайся в тот отель, штамп которого на конверте.

– Мы ведь обсуждали уже, что аноним мог просто зайти в отель и взять конверт.

– Мог, – покладисто согласился Сергей Романович и замолчал, размышляя.

Разговаривая с шефом, Олег частенько ощущал себя по меньшей мере слабоумным.

– Мог, – повторил Сорокин. – Но проверить надо. Наша работа заключается в том, чтобы проверять, перепроверять, доверять своим глазам, но еще раз все равно проверять. Вдруг первое мнение ошибочное. Как например с Кройсом-Крэйсом.

– Ну да, – виновато кивнул Ермилов.

– Ты зря переживаешь. Проблемы перевода были не только у нас, но и у Теплова – офицера безопасности в Лондоне, и у полковника Мальцева из СВР. Все решили, что он Кройс, да и дело не в переводе, а в почерке автора... Думаю, дня три тебе хватит на осмотр достопримечательностей?

– Надеюсь, – хмыкнул Олег, понимая, что времени на рекогносцировку в Лондоне будет в обрез и надо будет использовать его максимально эффективно.

– Я разговаривал с полковником Мальцевым, чтобы Теплов оказал содействие. В отпуск он так и не уехал, как планировалось. Его руководство сочло необходимым в ситуации с этим письмом перенести отпуск. Теплов наверняка не обрадовался. Но я знаю, что он с твоим Руденко – однокашники, приятели.

– Почему это Руденко мой? – смутился Ермилов.

– Ты же с ним тесно общался, когда расследовал дело Дедова. Сам же говорил.

Олег не помнил, чтобы рассказывал что-то Сорокину, об офицере безопасности из посольства РФ с Кипра, с которым у него и правда возникла взаимная симпатия. Но отмолчался.

– Может, попросить все это сделать Теплова? – предложил Олег.

– Можно было бы. Но Теплов и по горячим следам не стал действовать. Думаю, и сейчас не захочет проявлять усердие. Видимо СВР не восприняло всерьез анонимку. Или у них какие-то внутренние заморочки. Но не дать ход делу они не могли... А мне важнее твои личные впечатления от беседы с Тепловым и дипломатом. Ты опытный следователь, а значит неплохой психолог, и это нам сейчас как нельзя кстати. Детали, необходимы детали. У тебя еще срок загранпаспорта не закончился? Ну, того, который оформлял еще работая в Генпрокуратуре? – дождавшись кивка Ермилова, Сергей Романович продолжил: – Тогда полетишь по тому паспорту. Оформим командировку. «Пропишешься» там в посольстве. Так спокойнее.

Сорокин имел в виду, чтобы по приезду Олег встал на консульский учет.

Глава пятая

Запах бекона и яичницы разбудил Олега. Он не сразу понял, где находится. Напротив кровати висело овальное зеркало в массивной золотистой оправе. Ермилов потянулся, припоминая, что вчера поздно вечером самолет с ним на борту приземлился в Хитроу. На кэбе он доехал до маленькой гостиницы, расположенной в центре Лондона, и сразу повалился спать.

Номер в гостинице оказался крохотным, и высокий, довольно крупный Ермилов, разбiera сумку и одеваясь, стукался об углы кровати, тумбочки и комода, но был вполне доволен, поглядывая в узкое окно на шумную улицу с непривычным левосторонним движением и черными кэбами.

В детстве он всегда хотел побывать в Лондоне, на родине Шерлока Холмса. Но никак не подозревал, что попадет сюда по служебной необходимости. Спустившись в маленький гостиничный ресторанчик, он позавтракал, разглядывая развешенные по стенам фотографии с Уимблдона. Тут были и черно-белые с чемпионами прошлых лет, и свежие, прошлогодние – Пит Сампрас и Венус Уильямс. Видно хозяин любитель большого тенниса. Олег тоже уважал этот вид спорта и сам любил играть и делал это весьма неплохо. Мать в детстве запихнула его учиться в английскую спецшколу и таскала на занятия теннисом. С возрастом он оценил ее самоотверженность. Английский сидел у него в подкорке. Причем к ним по обмену в школу приезжали английские подростки, и язык у него не был пассивным, Олег мог легко общаться.

По дороге из своей гостиницы в посольство Олег решил зайти в отель St. Simeon, хотя это было нарушением инструкции о том, что первым делом надо идти регистрироваться. Ермилов обратил внимание на витрину магазинчика с шотландской символикой, где продавали вещи из шерсти и пледы. Он не собирался ничего покупать, его волновало, не следят ли за ним. Еще свежи были воспоминания годичной давности, когда на Кипре за ним принялись следить от аэропорта. Ермилов зашел внутрь и приблизился к витрине изнутри, рассматривая красно-черный плед, а заодно и улицу. Олег никого не заметил, но решил перестраховаться и спросил у продавщицы:

– У вас есть выход на другую улицу?

– А вы будете что-то покупать? – вопросом на вопрос ответила полноватая женщина, похожая на индианку.

– Пожалуй, – Олег взял с витрины тот плед, который рассматривал и протянул продавщице. Он вспомнил стих Мандельштама, который любила читать Люська на вечерах в институте. Ему запомнилось и волновало его особенно одно четверостишие из этого сложного и атмосферного стихотворения: «Есть у нас паутинка шотландского старого пледа, – Ты меня им укроешь, как флагом военным, когда я умру. Выпьем, дружок, за наше ячменное горе, – Выпьем до дна!»

Он расплатился за плед. И обрадованная продавщица выпустила его через черный ход. Ермилов быстро пересек улицу и свернул за угол. Остановил такси и поехал к гостинице Святого Симеона.

С одной стороны улицы монолитно возвышались пятиэтажные дома, старые, кирпичные, коричневые с красным, с колоннами и белыми балюстрадами. С другой, где гостиница, дома были схожие по архитектуре, но превалировал белый цвет. Такая же маленькая гостиница, как та, в которой остановился Ермилов, удивила еще большей компактностью. В вестибюле ресепшн выглядел как киоск – окошко в стене, внутри миниатюрный офис с компьютером, жутко захламленный папками. Объявления и расценки хозяин вывешивал на раздвижных окошках этого офиса-киоска. Наверх, к номерам, вела крутая лестница с белоснежными перилами и синим ковролином на ступеньках и на площадках между этажами.

В офисе сидел лохматый молодой парень с серьгой в ухе и с тощей шеей, увитой шнурами с талисманами и подвесками в виде скейта, роликов и всякой дребедени, которую странно было видеть на парне, а не на девчонке.

– Мистер, собираетесь у нас остановиться?

– Может быть, – Олег пристроил пакет с пледом на полированную стойку, за которой сидел хипповатый парень. – Не знаю, приятель рассказывал мне о вашем отеле. Да, вроде бы он здесь останавливался, – Ермилов огляделся. – У вас случайно не найдется конвертика?

Парень пожал плечами, полез под стол и достал оттуда точно такой же конверт, в каком было запечатано послание, с фирменным штампом отеля.

– У вас такие конверты, наверное, часто постояльцы просят, чтобы отправить открытку домой?

– Да нет. Я бы не сказал.

– А за последний месяц кто-то просил такой конверт? – Олег улыбнулся и повертел конверт в руке, но увидев, что парень напрягся и не собирается отвечать, Ермилов демонстративно достал десять фунтов и сунул их в конверт. Поскольку портье продолжал молчать, Олег добавил еще столько же и положил конверт на стойку.

– Ах, да. Припоминаю, – портье придвинул конверт к себе. – Жил тут один чудик. Высокий, немолодой. Их тут много заехало. В Лондоне проходил съезд портовых работников из разных стран. У нас их тоже размещали. Перед глазами мелькали... А этот и запомнился только потому, что конверт попросил.

– Как его звали?

– Вы понимаете, сэр, – портье отодвинул конверт. – Тут у нас был большой переполох, не знаю, имею ли я право рассказывать...

– Отчего же, мы ведь с вами просто сплетничаем, по-приятельски, – Олег добавил в конверт еще две купюры, надеясь, что это, что называется, в коня корм.

Портье быстро смахнул конверт к себе на стол со стойки. И, подавшись вперед, упершись локтями в стойку, негромко заговорил, не особо заботясь, понимает ли Олег его торопливую английскую речь. Но Ермилов понял.

Парень даже вспомнил точную дату, когда все случилось. Как раз в день подброса письма, и накануне того, когда Теплов пошел на несостоявшийся контакт. Днем вдруг улицу перекрыло несколько черных машин. В вестибюль вбежали человек пять представительных мужчин. Отчего-то у портье не возникло крамольного желания проверять у них документы, он не сомневался, что они из спецслужб. Разговаривали требовательно, надменно. В этот день как раз менялись постояльцы, съезжали одни, въезжали другие. Гостиница в туристический сезон не пустовала и пользовалась спросом из-за дешевизны.

– Они тоже спросили про конверт, – парень криво улыбнулся. – Только я ни с полицией, ни с их спецслужбой дела иметь не намерен. Вы-то, я вижу, иностранец. Потому вам скажу.

Олег подумал, что дело вовсе не в этом, а в деньгах. Парни из спецслужб чувствовали себя в своем праве и, конечно же, денег за правдивые ответы не предлагали. «К тому же, – подумал Ермилов, кивнув портье с благодарностью. – Он, похоже, араб. А наш эксперт-почерковед предположил, что аноним носитель арабского языка, английский ему не родной».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.